

УДК 821.14.06
DOI 10.17223/18137083/65/10

М. Н. Киселёва

Томский государственный университет

**Кто мы: боги, мудрецы, люди?
«Мудрецы предчувствуют» К. Кавафиса в переводе И. Бродского**

Проведен сопоставительный анализ стихотворения Константиноса Кавафиса «Мудрецы предчувствуют» и его русского перевода, выполненного Иосифом Бродским. На основе подстрочника прослеживается динамика и последовательность развития следующих оппозиций: боги/мудрецы/люди, знать/чувствовать, будущее/приближающееся/происходящее и, наконец, мотива невежества – дурной бесконечности и противопоставленной им способности собирания себя и изменения сознания. Кавафисовский модернистский гимн пророкам, к числу которых относится и фигура поэта, Бродский переводит в плоскость невозможности трансцендентно преодолеть время.

Ключевые слова: мудрецы, люди и боги, Кавафис, Бродский, «Мудрецы предчувствуют».

В философии К. Кавафиса одна из центральных проблем – проблема возможностей человека во времени, его познании людьми, мудрецами и богами. Способность предвидения, «наслаждение “пониманием” (драматической связи настоящего с будущим и прошлым или, точнее, единовременности бытия) как одного из высочайших духовных наслаждений» [Τσουβελης Σ., 1998, σ. 96–101] занимала Кавафиса довольно долго и иногда превращалась в поэтическую навязчивую идею. Ряд стихотворений отражает этот устойчивый поэтический мотив пророчества (см. стихотворения «Ἐν πορείᾳ πρὸς τῆς Σινώπην» (где предсказатель не услышан), «Τελειωμένα» (в котором неправильно поняты знаки-сообщения), «Δέησις» (где мать не знает о гибели сына, и нет способа ее предсказать), «Δώρου Τάφος» (незнание случившегося порой лучше, спасительнее знания) и т. д.).

В феврале 1896 г. поэтом было написано стихотворение, названное «Ἐπιλείμενα» («Нависшее») и впервые опубликованное под этим названием в 1899 г. в журнале «Ἀιγυπτιακὸν Ἡμερολόγιον 1900» («Египетский календарь 1900») [Δρακόπουλος, 1900]. Через 16 лет, в 1915 г., Кавафис вновь возвращается к нему, вносит значительные поправки и изменения, дописывает начало, правит рифму и содержание (в исправленной версии появляются «люди» и «боги», отсутствие-

Киселёва Марина Николаевна – аспирант филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 34, корп. 3, Томск, 634050, Россия; markis22@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© М. Н. Киселёва, 2018

вавшие в раннем варианте) и печатает его на своих поэтических «feuille volante»¹, в сборнике 1907–1915 гг. под названием «Σοφοὶ δὲ προσιόντων». Три даты (1896, 1899, 1915) свидетельствуют о том, что стихотворение было принципиально важным для поэта, в том числе и в связи с увлечением Аполлоном Тианским, чья жизнь была описана софистом и ритором Флавием Филостратом в философском романе «Жизнь Аполлония Тианского» [Φιλόστρατος, 1992] и личностью которого восхищался Кавафис.

Со слов М. Перидиса известно, что «у Кавафиса в наличии было несколько изданий Филострата, которые он основательно изучал, писал подробные комментарии (эссе “Ламия”) и, разбирая переводы своего брата, делал разного рода исторические и географические замечания относительно фигуры Аполлония, города Тиана и Флавия Филострата» [Pontani, 1991, σ. 240]. Кавафис восхищался «мистической» мудростью тианского проповедника-предсказателя и чудотворца I в. н. э., воплотившего в себе заветные эстетические идеалы поэта [Bowersock, 1983]. В статье «Λάμια» Кавафис писал: «Для меня чтение “Жизни Аполлония” стало настоящим наслаждением. Образ великого тианского философа-мага, захватывает дух своей величественной сверхчеловеческой личностью. Фантазия Филострата имеет особенную поэтическую грацию... а сколько из нее черпаешь поэтического материала» (перевод наш. – М. К.) [Καβάφης, 2010, σ. 66]. Стихотворение Кавафиса «Σοφοὶ δὲ προσιόντων» принадлежит к так называемым философским произведениям поэта и является одним из четырех произведений, демонстрирующих его интерес к позднегреческому философу-неопифагорею.

Название стихотворения – это часть эпитафия, являющегося дословной цитатой из восьмой книги «Жизни Аполлония Тианского», более того, все произведение строится на этом коротком извлечении из древнегреческого сочинения Филострата. О значимости эпитафия свидетельствует тот факт, что Кавафис редко прибегал к использованию таких претекстов: из 154 «признанных» стихотворений поэта только четыре снабжены эпитафиями.

Приведем новогреческий оригинал анализируемого стихотворения и сделанный нами подстрочный перевод.

Σοφοὶ δὲ προσιόντων
[Καβάφης, 2003, σ. 67]

А мудрецы же – приближающиеся

Θεοὶ μὲν γὰρ μελλόντων, ἄνθρωποι δὲ
γίγνομένων,
σοφοὶ δὲ προσιόντων αἰσθάνονται.
Φιλόστρατος.
Τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀπολλώνιον, VIII, 7

Ибо боги – будущее, люди –
происходящее,
а мудрецы – приближающиеся
чувствуют.
Филострат.
К Аполлонию Тианскому. VIII, 7

Οἱ ἄνθρωποι γνωρίζουν τὰ γινόμενα.
Τὰ μέλλοντα γνωρίζουν οἱ θεοί,
πλήρεις καὶ μόνοι κάτοχοι πάντων
τῶν φώτων.
Ἐκ τῶν μελλόντων οἱ σοφοὶ
τὰ προσερχόμενα
ἀντιλαμβάνονται. Ἡ ἀκοὴ
αὐτῶν κάποτε ἐν ὧραις σοβαρῶν σπουδῶν
ταράττεται. Ἡ μυστικὴ βοή

Люди знают происходящее.
Будущее знают боги,
абсолютные и единственные владельцы
всего света (в смысле: знаний).
Из будущих событий мудрецы
приближающиеся
чувствуют (ощущают). Слух
их иногда в часы серьезных занятий
волнуется. Таинственный вой (гул)

¹ Отдельно напечатанные несброшюрованные поэтические листки, в переводе с французского дословно «летающие листки».

τοὺς ἔρχεται τῶν πλησιαζόντων	до них доносится грядущих событий.
Καὶ τὴν προσέχουν εὐλαβεῖς.	И они ему внимают благоговейно.
Ἐνῶ εἰς τὴν ὁδὸν	Тогда как на улице
ἔξω, οὐδὲν ἀκούουν οἱ λαοί.	снаружи, ничего не слышат народы.

С точки зрения просодии стихотворение представляет собой два симметричных пятистишия, разработанных в странной на первый взгляд рифмовочной манере:

12''' – 10' – 13'' – 14''' – 10'	12' – 10' – 13'' – 14' – 10'
α β γ α β	δ β γ δ β

Произведение организовано в строгом соответствии с перекрестной рифмой, силлабикой, метром и ритмом. Тринадцатисложные строки в центре каждой строфы, по-видимому, выполняют роль оси этой просодической симметрии. С помощью опоясывающей рифмы (β) переплетены между собой формы и смыслы обеих строф, сосредоточенные вокруг одного бытийного центра. С другой стороны, эта ось является своего рода мостом, пролегающим между двумя противоположностями: боги – на одном берегу (строки 1, 2), мост (строки 3–8), люди – на другом (строки 9, 10). И между этими двумя крайностями простирается «иератическая» территория измерения духа.

Здесь меняется манера изложения, становится более высоким и изысканным слог (только в этом месте стихотворения появляются причастия, родительный падеж множественного числа, избегаемый в разговорной греческой речи, архаичный дательный падеж, кафаревусовский синтез и фонетика, частое внутреннее и внешнее зияние гласных) – слог просвещенного мужа, препятствующий свободному пониманию, как спрятанная за семью печатями тайна. И единственный просвет для проникновения света-знания в этот герметичный космос аполлонийских «мудрецов», даже визуально, – это междустрофье, искусно выделенное к тому же анжамбеманом и многократным зиянием гласных: *Ἡ ἀκοῆ / αὐτῶν* ‘Слух / их’ (см.: [Παλαζόγλου, 2012]).

На все рифмы в этом произведении так или иначе накладывается смысл, по содержанию они либо синонимичны (смежны), либо противопоставлены:

1) Οἱ ἄνθρωποι γνωρίζουν τὰ γινόμενα.	Антитеза времени
4) Ἐκ τῶν μελλόντων οἱ σοφοὶ τὰ
προσερχόμενα	(происходящее – приближающееся)
2) Τὰ μέλλοντα γνωρίζουν οἱ θεοί,	Антитеза по статусу, происхождению
10) ἔξω, οὐδὲν ἀκούουν οἱ λαοί	(боги – люди)
5) ἀντιλαμβάνονται. Ἡ ἀκοῆ	Смежность по связи, орган восприятия –
7) ταραττεται. Ἡ μυστικὴ βοῆ	звуковой сигнал (слух – вой)
3) πλήρεις καὶ μόνοι κάτοχοι πάντων τῶν
φώτων	Допустимая косвенная
8) τοὺς ἔρχεται τῶν πλησιαζόντων
γεγονότων	синонимичность
(события – как источник знания)
6) αὐτῶν κάποτε ἐν ὄραις σοβαρῶν
σπουδῶν	Допустимая синонимичность
9) Καὶ τὴν προσέχουν εὐλαβεῖς. Ἐνῶ εἰς
τὴν ὁδὸν	(обучение как жизненный путь)

Течение кавафисовского вольного ямба многократно нарушается анжамбеманами (5 раз) и синтаксическими паузами внутри строки (3 раза). У поэта нет случайных остановок, анжамбеманы – это кавафисовская мера времени, именно ими обусловлена метафизическая музыка его поэзии. Это остановки-акценты: «приближающееся / ощущают», «слух / их», «в часы занятий / волнуется», «гул / до них доносится», «на улице / снаружи».

В переводе И. Бродского сохраняется внешняя форма стихотворения – два пятистишия, однако просодические особенности оригинала претерпевают существенные для поэтического текста модификации. То есть поэтическое время в русском переводе реорганизовывается поэтом иначе, чем в оригинале.

Мудрецы предчувствуют
[В ожидании варваров, 2001, с. 94]

Боги ведают будущее, люди – настоящее,
а мудрецы – то, что не за горами.
Филострат. Жизнь Аполлония Тианского

Смертным известно о настоящем.
Богам – начала и их концы.
О том, что близится, о предстоящем
знают только, склоняясь над шелестящим
листом пергамента, мудрецы.

Иногда им в их кельях, далеких от перипетий,
чудится странный гул. И они в него
вслушиваются, точно в мотив забытый.
Это – гул надвигающихся событий.
Населенье не слышит, как правило, ничего.

Во-первых, в русском переводе по-другому рифмуются строки. Наряду с перекрестной оригинальной рифмой, Бродский использует и парную (3–4, 8–9).

Во-вторых, в переводе пропадает вышеозначенная противопоставленность/синонимичность рифмующихся элементов строки:

2) Τὰ μέλλοντα γινώριζοῦν οἱ θεοί,	Богам – начала и их концы.
5) ἀντιλαμβάνονται. Ἦ ἀκοῆ	...листом пергамента, мудрецы.
7) ταραττέται. Ἦ μυστικῆ βοῆ	чудится странный гул. И они в него
10) ἔξω, οὐδὲν ἀκούουν οἱ λαοί.	Населенье не слышит, как правило,
ничего.

Что касается ритмической композиции стиха и его размера, то у Бродского ударный костяк первой строфы более четкий и укладывается в ритм неравноиктного дольника, сбивающегося во второй строфе на непредсказуемый чисто-тонический тактовиковый ритм. Таким образом, наложение ритма на смысл и наоборот отсутствие такого наложения, по всей вероятности, связаны с тем, какая свобода выбора относительно лексики была у переводчика. Ритмический строй тактовика предоставляет довольно большую свободу, так в переводе появляется неуклюжее «перипетий», но не потому, что ритм требовал, а потому что Бродскому так захотелось. Но здесь уместно вспомнить, что Бродский переводил Кавафиса, не зная греческого, – то есть просодические особенности оригинала едва ли были ему вообще доступны. В-третьих, не везде и не все анжамбеманы подлин-

ника сохранены у Бродского в переводе. Он иначе, чем Кавафис, расставляет акценты.

В название своего произведения греческий поэт выносит фразу из второй строки эпитафии, цитаты из VIII книги вышеупомянутого сочинения Филострата: «σοφοὶ δὲ προσιόντων...». Эпитафия взята Кавафисом из той части «Жизни», где Аполлоний, обвиняемый в колдовстве, защищает себя перед императором Домицианом. В античном тексте в роли единственного сказуемого всей фразы выступает глагол *αἰσθάνονται* 'чувствуют, ощущают, воспринимают', который как самая важная информация, как актуализация смысла помещается в конце всей фразы, относясь, таким образом, ко всем трем субъектам действия-состояния – богам, людям и мудрецам.

Бродский название переводит надлежащим образом – «Мудрецы предчувствуют», но вот в эпитафии в том же месте меняет возможности мудрецов, «опространствливая» их: «мудрецы (ведают) – то, что не за горами».

В этом заключается существенная стилистическая погрешность: «то, что не за горами» и «προσιόντων» не только обладают разной стилистической окраской (причастие принадлежит к языку возвышенных материй и высоких жанров, а идиоматическое выражение, используемое Бродским, с одной стороны, к более выразительному и образному, но с другой – к разговорному и более сниженному стилю), но при таком варианте перевода теряется и архаизм и эллинизм звучания, поскольку «не за горами» совершенно не греческий образ, он не то чтобы непонятен, но весьма неожидан в греческом произведении.

Бродский, во-первых, переводит эпитафия сам, а не использует уже существующий перевод Филострата и, во-вторых, располагает глагол «ведают» в начале цитаты, скорее всего потому, что прямой порядок слов в предложении более привычен и благозвучен для русского читателя и непривычное могло осложнить понимание передаваемого смысла.

Бродский не так выразительно, как в древнегреческом тексте, отразил противопоставленность объектов «чувствования», великолепно изображенную архаичной вязью противительных союзов – «μὲν... δὲ... δὲ...», усиливающих возможности и способности каждого из указанных субъектов. Вообще эпитафия составлена из сплошных антитез: «боги» – «люди» – «мудрецы»; «будущее» – «происходящее» – «приближающееся», и антитезы эти объединены одним общим актом чувствования.

Эпитафия в переводе И. Бродского более эстраден, чем оригинал, и имеет три существенных отличия: не «чувствуют», а «ведают»; не «происходящее», а «настоящее»; не «приближающееся», а «то, что не за горами». Если положить древнегреческие действительные причастия настоящего времени «μελλόντων» – «προσιόντων» – «ὑγυομένων» на временную шкалу, то получается следующая картина: боги «чувствуют» то, чему предстоит случиться в далеком будущем, где причастие «μελλόντων» (от глагола «μελλω») включает в своей семантике коннотацию отдаленности во времени (все будущее, возможно, до окончания времен) и некоторой неопределенности – хочет случиться, но может случиться, а может и нет. То есть богам известны все варианты развития событий, ведь они всезнающи по определению и по природе. Люди же способны чувствовать и видеть лишь то, что разворачивается, случается, происходит в поле их зрения (здесь) в данный момент (сейчас) – это происходящее.

Таким образом, знание для людей ограничено не только временем, но и пространством, человек у Кавафиса детерминирован слишком узким спектром восприятия (в данное время, в данном пространстве). Тогда как у Бродского настоящее – это, конечно же, сейчас, но не обязательно здесь, в конкретном пространстве, ведь настоящее случается и вне нашего поля зрения. Дихотомия Время/Пространство – центральная в поэтике Бродского-поэта – режиссирует сцена-

рий и в данном переводе². Настоящее, по Бродскому, это время «с примесью человеческой жизни». Что касается познания вещей во времени, то восприятию людей недоступно знание как будущих (так как будущее – это «в первую очередь наше в нем отсутствие... наше небытие» [Бродский, 1992, с. 137]), так и предстоящих-приближающихся событий. Однако, несмотря на временную непреодолимость познания, познание в пространстве, по Бродскому, каким-то метафизическим образом преодолимо.

Впрочем, есть среди людей мудрецы, обладающие «добродетелью наивысшей части души... что... ведет и имеет понятие... о прекрасных и божественных [предметах], будучи то ли само божественным, то ли самой божественной частью в нас»³ – наиболее восприимчивые и обладающие способностью «чувствовать» (слышать) приближающееся⁴. В предстоящем большая степень уверенности, что событие случится, поскольку оно, подступающее, еще слабо проявляющееся, едва слышимое и различимое, уже таинственно присутствует, ощущается в воздухе, «оно уже не за горами», как интерпретирует Бродский, выстраивая свое сигнификативное бытие⁵.

С другой стороны, ключевой глагол эпиграфа у Бродского «ведать» переключается с глаголом (усиленным повторением) первых двух строчек кавафисовского стихотворения «*γνώριζοῦν*». Этот глагол синонимичен древнегреческому «*εἶδω*», обладающему двумя значениями: «видеть» и «знать»⁶. Таким образом, суть знания чего-либо бесспорна и незамысловата: знаю, потому что видел, не видел, значит не знаю, что может быть логичнее? Поэтому-то у Кавафиса боги и люди знают (потому что видят, каждый – свое), а мудрецы ощущают, слышат, но не знают, поскольку приближающееся еще не предстало перед взором, его не видно, его можно лишь почувствовать с той или иной степенью вероятности. Аналогичным образом «ведать» ведет свою этимологию от «видеть», то есть совпадает с семантикой греческого глагола⁷.

Но ведать – это не просто знать, это значит проникать в суть, прозревать глубину и взаимосвязь вещей, постигать причинно-следственные отношения, чувствовать («*αἰσθάνομαι*», как в позднеантичном тексте) каким-то особым природным чутьем «суть». И для всего этого зрения недостаточно, должны быть развиты и отточены все имеющиеся и открытые, доступные и доведенные человеком до высшего уровня органы восприятия. Хотя «созерцательная деятельность» осознается древнегреческими философами той самой наивысшей добродетелью, «что сообразна мудрости»⁸.

Первые две строки оригинального стихотворения – это своего рода переложение на новогреческий первой филостратовской строки эпиграфа. Кавафис еще раз повторил то, что уже рассказал в эпиграфе. Древнее «*Θεοὶ μὲν γὰρ μελλόντων, ἄνθρωποι δὲ γυνομένων...*» – это то же самое, что и демотическое «*Οἱ ἄνθρωποι*

² Для Бродского Время и Пространство – это не сплав, не хронотоп, не единая равноправная данность реальности, это оппозиция, иерархия, где пространство «и меньше, и менее дорого, чем время, не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно – вещь, тогда как время есть мысль о вещи» (эссе «Путешествие в Стамбул», см. [Бродский, 1992, с. 137]).

³ *Аристотель*. Никомахова этика. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (дата обращения 27.12.2012). С. 194.

⁴ Причастие *προσίοντων* образовано от древнегреческого глагола *προσῆμι* ‘приближаться, подступать’.

⁵ См. об этом: [Суханов, 2003].

⁶ Знаменитое сократовское «*Ἔν οἶδα ὅτι οὐδὲν οἶδα*» («Одно знаю, что ничего не знаю»).

⁷ Также использование этих предикатов рождает и библейские аллюзии: «*οὐ γὰρ οἶδασι τί ποιοῦσι*» («не ведают, что творят») (Лк. 23, 34).

⁸ *Аристотель*. Никомахова этика.

γνωρίζουν τὰ γινόμενα. Τὰ μέλλοντα γνωρίζουν οἱ θεοί...»). Однако собственно стихотворение начинается не с «богов», как эпитафия, а с «человека». Поэт сначала повествует о том, что способны «знать-видеть» люди, а потом – что «знают-видят» боги. И это видение-знание здесь обусловлено, скорее, плоскостью существования людей, где время последовательно, где оно движется поступательно, где люди являются участниками событий, происходящих во времени. А плоскость существования богов находится над временем, точнее вне Времени и Пространства, там, где они имеют возможность обозревать его, Время, одновременно, поскольку у богов иная функция – наблюдать. Бродский же противопоставленность людей и богов вводит не через антитезу «участники событий – наблюдатели событий», а посредством указания на качественное отличие людей и богов: конечности жизни первых и вечности существования последних.

Таким образом, он раскрывает закономерность такого распределения знания («смертным известно о настоящем» и только), ибо жизнь – как явление вообще и абсолютное время не ограничиваются жизнью того или иного смертного, люди приходят и уходят, а жизнь продолжается. И жизнь человека – это всего лишь миг, короткий, часто незаметный отрезок времени на циферблате земной жизни, «уходящей в астрономию», поэтому-то по определению человек не может знать больше, чем его жизнь-миг. В то время как «богам [известны] начала [вещей, событий, времен и народов] и их концы», поскольку, в противоположность человеку, они вечны. Бродский толкует эту способность богов знать будущее их бессмертием, то есть присутствием *всегда*. Это те, кто обуздал высшее начало – Время с помощью высшего инструмента – света знания. В переводе Бродский слегка иронизирует по поводу этой попытки преодолеть линейность времени через трансценденцию. Здесь Кавафис, видимо, кажется ему похожим на Элиота, чья религиозная концепция, заключающаяся в том, что трансцендентное время принадлежит богу, идет еще от св. Августина⁹.

В стихотворении 1965 г. «Отрывок» («Я не философ. Нет, я не солгу...»), появившемся во времена тесного общения с Ахматовой¹⁰, у Бродского появляется фраза: «Соединять начала и концы / занятие скорей для акробата». Тем не менее религиозное сознание Элиота вряд ли было присуще и Кавафису, выход в метафизический мир последний искал больше через эзотерику, мистицизм, апокрифы и символизм¹¹. И образ тианского мага-философа Аполлония захватывал его своей «великой сверхчеловеческой личностью» и провидчеством.

Итак, кавафисовское *τὰ γινόμενα* 'происходящее, разворачивающееся в данный момент' становится у Бродского «настоящим». Для обозначения этого понятия в новогреческом существует более точный эквивалент – «*παρόν*», ни разу не употребляемый Кавафисом в рассматриваемом стихотворении. И тем не менее Бродский настойчив в использовании причастия «настоящее» (и в эпитафии, и в первой строке), хотя в греческом «*τὰ γινόμενα*» больше активности, больше действий и событий, это то, что разворачивается, имеет развитие, случается в данный момент, тогда как просто «настоящее» может быть и бессобытийно. Кроме того,

⁹ Ср. фрагментарность восприятия времени у Элиота («Time present and time past Are both perhaps present in time future, And time future contained in time past...») и невозможность трансцендентного познания Времени человеком («If all time is eternally present All time is unredeemable ...»). Соединяя прошедшее, настоящее и будущее, Элиот создает абсолютное вечное настоящее вне Времени, непостижимое человеком. *Eliot T. S. Four Quartets*. URL: <http://www.paikassociates.com/pdf/fourquartets.pdf> (дата обращения 30.08.2018).

¹⁰ Во второй части «Поэмы без героя» у А. Ахматовой вставлен эпитафия из Элиота: «In my beginning is my end. T. S. Eliot» [Ахматова, 1995, с. 73].

¹¹ См. кавафисовские «фрагменты» о ликантропии, о магических животных в ромейском фольклоре, рассуждения касательно души, а также статью «Εἰς τὸ Φῶς τῆς Ημέρας» [Καβάφη, 2010, σ. 187–199].

«настоящее» в античной греческой мысли – особое понятие, оно неделимо, в области греческого бытия «нет прошлого и будущего – все в настоящем» [Мамардашвили, 1999, с. 29].

Наконец, обращает на себя внимание выбор предиката предложения – составного безличного сказуемого в первой строке: «известно о настоящем». «Известно» несет дополнительный смысл чего-то безусловного и безотносительного, данного априори, и в то же время имеет какой-то приземленный оттенок, как у Ахматовой: «Смерти нет – это всем известно. Повторять это стало пресно».

В дополнение Бродский по-другому членит стихотворение синтаксически, изменяя последовательность строк: третья строка у Кавафиса – это продолжение второй, придаточное предложение, проясняющее утверждение, сделанное в главном. «Будущее знают боги», потому что они «абсолютные и единственные владельцы всего знания-света». Бродский же содержание этих двух строк сжимает до «богам [известны] – начала и их концы». И еще больше места, чем в оригинале, русский поэт в своем переводе определяет мудрецам.

В оригинальном тексте присутствуют два будущих времени, первое – далекое будущее (область знания богов), выражаясь образом Бродского, то, которое за Олимпийскими горами (точнее, по-над горами, некий наивысший свет), неслышное и невидное, если ты – не бог. И второе будущее – приближающееся, предстоящее, то, которое совсем рядом, «не за горами».

Четвертая и половина пятой строки греческого произведения – отсюда начинается поэтическое пространство мудрецов – приобщают как раз к тому, что способны чувствовать мудрецы:

Ἐκ τῶν μελλόντων οἱ σοφοὶ
τὰ προσερχόμενα
ἀντιλαμβάνονται.

Из будущего мудрецы
приближающееся
чувствуют (ощущают).

У Бродского градация «далекое будущее / приближающееся будущее» отчетливо не выделена. Он лишь сообщает «о том, что близится, о предстоящем знают только... мудрецы», где частица ограничительного значения «только» подчеркивает категоричность высказывания, то есть «то, что близится, предстоящее» уже не будущее, но еще и не настоящее, и его знают *только* мудрецы. Тогда как совершенно очевидно, что у Кавафиса приближающееся – это часть будущего, известного лишь богам, и мудрецы – это уже особое существование, полубожественное. «Оно и есть то, что называется бытием, то есть – образ полностью собравшего себя, которое все свои части держит и пребывает над потоком времени и потоком действий и сцеплений действий, как бы простершись над этим потоком» [Мамардашвили, 1999, с. 48].

Бродский поэтизирует и незамысловатое кавафисовское «в часы серьезного обучения», превращая его в более яркий и осязаемый образ: «склоняясь над шелестящим листом пергамента». Во-первых, в нем присутствует вспомогательный смысл посвящения себя знанию, погружения в него («склоняясь над...») и попутное значение древнего знания («пергамент»). Пергамент – это не просто лист бумаги, здесь подразумевается проверенное временем и переданное, то есть историческое, знание, накопленная веками мудрость и дополнительная мысль тонкости восприятия, внимания к звукам древности, ибо лист пергамента «шелестящий». Чем глубже мудрец погружается в знание, тем он пронизательнее, тем чувствительнее его слух, тем внимательнее он к звукам, тем более восприимчив к деталям, окружающим его. В зависимости и некоего подчинения Времени и Слову таится и «вера в торжество... слова над временем» [Янгфельдт, 2012, с. 89]: «О своем – и о любом – грядущем / я узнал у буквы, у черной краски», – пишет он в «Римских элегиях» (1981), перефразируя античные максимы. Аристотель в «Ни-

комаховой этике» рассуждает: «Кто проявляет себя в деятельности ума и почитает ум, видимо, устроен наилучшим образом и более всех любезен богам. Ибо если боги, как принято считать, уделяют какое-то внимание человеческим делам, то было бы вполне понятно, если бы боги наслаждались самым лучшим и самым для них родственным (а это, видимо, ум) и если бы воздавали добром тем людям, кто больше всего его любит и ценит, за то, что они внимательны к любезному богам и поступают правильно и прекрасно. Нет сомнения, что все это в первую очередь имеется у мудреца»¹². Кавафис, кстати, использует в стихотворении то же самое слово, что и античный философ в своем трактате: «σπουδών», «σπουδεί». И «подобная жизнь будет, пожалуй, выше той, что соответствует человеку, ибо так он будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное»¹³.

Строки 4–5 в переводе также смещаются и соответствуют шестой и седьмой строкам оригинала. Посредством анжамбемана и мужского сильного ударения на последнем слоге (ударение и обязательная пауза) Кавафис выделяет тот «мудрый» орган восприятия-чувствования времени и всего, что со временем приближается, – *ακοή* ‘слух’. У Бродского не получается сохранить эту формальную кавафисовскую составляющую содержания (ударение – пауза), однако с греческим «ακοή» связано его «шелестящим» (ударение – слог – пауза). То есть слух, становясь более чувствительным и восприимчивым к тонким колебаниям звука, начинает преобладать над рациональностью и логикой ума, разум словно пригасает, когда обостряется особый слух. С этим увязывается и утверждение Демокрита, что «боги, философы и животные имеют больше пяти чувств». У них имеется дополнительный орган чувств, как, например, третий или лишний глаз у Эдипа, «то есть – воспринимают мир чем-то еще, помимо известных нам органов чувств» [Мамардашвили, 1999, с. 181]. Логос, по Кавафису и в сознании Бродского, и есть нечто, в свете чего природа-бытие будет зрима, доступна нашему пониманию и видима в своей конкретной оболочке («предстоящего»). Эту же мысль высказывал и Гераклит: «Выслушав... Логос, должно признать: мудрость в том, чтобы знать все, как одно» [Там же, с. 53]. «И вот появляется идея, что... это тот мир, в который мы должны приходить, переходя к делению до мельчайшего, которое стоит за сращением наших органов чувств с предметом» [Там же, с. 87]. В этом заключается другая тонкость греческой мысли – наше «видение сращено с размерностью, в которой мы видим... наши чувства недостаточно тонки, вернее, они достаточно грубы, чтобы увидеть соприкосновение в одной точке». А «мудрецы», что смогли переключиться в другой регистр сознания и преодолеть «дурную бесконечность», развили, по всей видимости, другой, более тонкий взгляд, у которого «размерность другая, более растянутая», и они способны видеть, что все-таки соприкосновение – в одной точке. То есть бытие неделимо на части, оно – все целиком, здесь и сейчас: прошлое, настоящее, будущее.

В шестой строке перевода вновь возникает частный поэтический образ Бродского, совершенно отсутствующий в оригинале, но имеющий место в записях Кавафиса¹⁴:

¹² Аристотель. Никомахова этика. С. 199.

¹³ Там же. С. 198.

¹⁴ В своих заметках Кавафис рассуждал так: «Монахи видят вещи, которые не видим мы; зря видения из метафизического мира. Они утончают свою душу посредством уединения, мысли и воздержания. Мы же притупляем ее посредством общения, наслаждения и отсутствия мысли. Поэтому-то они и видят то, что не в состоянии увидеть мы. Когда он в одиночестве и тишине уединенной комнаты отчетливо слышит удары Часов. Но если вдруг в комнату к нему проникнут другие и возникнет движение и завяжется разговор, он перестанет их слышать. Но удары не прекратятся и не перестанут быть доступны слуху» (перевод наш. – М. К.) [Σαββίδης, 1987, σ. 307–308].

Иногда им в их кельях, далеких от перипетий,
чудится...

М. Мамардашвили в лекциях по античной философии выделяет два потока, «в одном – наша (людская) жизнь, а внутри нее, моментами, другой режим – когда мы прикасаемся к бытию» [Мамардашвили, 1999, с. 34]. Поэтому мудрецом в миру быть сложно, следует отказаться от общения с людьми, затвориться в келье подальше от «перипетий»¹⁵, развернуть пергамент, уединиться, потому что «в бытии можно лишь быть или не быть, но если “быть”, то целиком, потому что то, что “целиком”, и есть бытие. Так устроена наша жизнь, и так устроен наш язык. И еще: в области бытия нет прошлого и будущего – все в настоящем» [Там же, с. 29].

При переводе строк 7–9 уходит эпитет «таинственный», реорганизуется синтаксис, меняется графический рисунок и последовательность мыслей, не без последствий для содержания, вводится новый образ – «мотив забытый»:

...Ἡ μυστικὴ βοή τοὺς ἔρχεται τῶν πλησιαζόντων γεγονότων.	...Таинственный гул до них доносится приближающихся событий.
Καὶ τὴν προσέχουν εὐλαβεῖς [Καβάφης, 2003, σ. 67].	И они ему внимают благоговейно.

...Чудится странный гул. И они в него
вслушиваются, точно в мотив забытый.
Это – гул надвигающихся событий
[В ожидании варваров, 2001, с. 94].

Нельзя утверждать, что эпитеты «таинственный» и «странный» синонимичны, поскольку «таинственный гул» – это ‘неразгаданный, непостижимый, непонятый’, а «странный гул» – это ‘гул, вызывающий недоумение, удивление своей необычностью’, в его значении отсутствует сема некой тайны, «странный» – это просто непривычный, тайны может и не быть, в принципе понятно, но чуждо. Кавафис подчеркивает момент сверхъестественности и мистики, у Бродского же в переводе просто неестественность.

«Καὶ τὴν προσέχουν εὐλαβεῖς» (‘И они ему внимают благоговейно’) – во-первых, эта фраза неслучайно занимает место предпоследней строки и предпоследнего высказывания и, во-вторых, не просто так представляет собой отдельное законченное предложение и располагается на одной строке с взаимоисключающим *εἰς τὴν οδόν* ‘на улице’. Бродский аналогичное по содержанию предложение передвигает на строку выше и усиливает «гул» последующим повторением. Если «внимать» и «вслушиваться» можно отнести к синонимам, то точки пересечения «гул до них доносится» и «гул им чудится» и сочетания слов «мотив забытый» и наречия «благоговейно» располагаются на отдаленной периферии значения. «Забытый мотив» предполагает повторение – когда-то знали и слышали, когда-то помнили, но забыли (и это еще одно косвенное присутствие прошлого отрезка времени в переводе, наряду с «началом [времен]» и «пергаментом»). Это может обозначать и цикличность истории, событий, модели поведения вообще – «дурной бесконечности». Образ «забытого мотива» сплетается и с античной идеей «прирожденности» знаний и сократовской теорией воспоминаний, «согласно которой наше знание – следы прошлых встреч с Богом, хранится в душе, в действительно-

¹⁵ Лишь Одиссей сумел выскочить, как известно, из честолюбивой структуры своей предшествующей жизни, структуры поиска приключений, и решил быть нищим и скитаться, живя на подаяние [Мамардашвили, 1999, с. 32].

сти, мы ничего нового не узнаём, а лишь вспоминаем» [Мамардашвили, 1999, с. 71]. Оттого-то гул этот лишь «чудится», мерещится, потому что принадлежит к потоку прикасания к бытию, это уже нечеловеческое (боги, философы, мудрецы) – то есть чудо. И Бродский не особо верит в пророчества, он подчеркивает тягу к трансценденции времени и истории, которая доступна мудрецу через вбирание прошлого, думая о цикличности истории и вознесения над настоящим. У Кавафиса эта греческая мистика «прикасания к бытию» обозначена напрямую – «μυστικῆ βοή» («мистики вои» русскому уху понятно без перевода!).

Красноречивы кавафисовская геометрия разбираемого стихотворения и его «край», как говорил Бродский, «потому что строчка всегда стремится к краю» [Янгфельдт, 2012, с. 313]. Стихотворение начинается и заканчивается людьми, но с небольшой разницей. Вначале это просто люди (которые знают происходящее; не настоящее, как у Бродского, – это очень важный момент для греческой мысли), это не обязательно общность, объединенная по тем или иным признакам и качествам, это «люди» без принадлежности к конкретной земле, расе и языку. Люди – это множественное число от «человек», то есть отдельность, обособленность и индивидуальность (столь любимая Бродским) непосредственно присутствуют в слове. Тогда как последняя строка заканчивается «ничего не слышащими» народами («λαοί» – мужское окончание: ударение и конец) – где отдельность каждого личности размыта и индивидуальность приведена к общему знаменателю. Это даже не один народ, это народы; стало быть, весь мир «ничего не слышит» и никому не внимают, в том числе и ему, Кавафису (при жизни он так и не был признан многими учеными мужами и поэтами собственной страны).

В ранней версии этого стихотворения под названием «Ελικείμενα» [Δρακόπουλος, 1900] народы были «глухими» («οὐδὲν ἀκούουν οἱ κωφοὶ λαοί»), в «Мудрецах» Кавафис расстается с этим эпитетом. Значит все-таки не объективно глухие (а что с глухих-дефектных взять?), просто субъективно толпа «не слышит ничего». Для нее бытие распадается, а значит и распадается Время, но не на прошлое (его в этом гимне пророкам вообще нет), и не на будущее (оно всецело принадлежит богам), и не на настоящее, где настоящего – *hic et nunc* в греческом смысле неделимости, всецелости бытия – тоже нет. А есть только «происходящее», иными словами «дурная бесконечность» как повторение одних и тех же ошибок без извлечения какого-либо опыта, то есть ритм жизни улицы, города, сатрапии, где непрестанно повторяется нескончаемое сцепление причин и действий, удваивается, утраивается, размножается «происходящее» время и быт(ие).

Бродский сохраняет финальную просодию («ничего» – мужское ударение и финал), но не содержание.

... Ἐνῶ εἰς τὴν ὁδὸν	... Тогда как на улице
ἔξω, οὐδὲν ἀκούουν οἱ λαοί	снаружи, ничего не слышат народы.
[Καβάφης, 2003, σ. 67].	

Населенье не слышит, как правило, ничего
[В ожидании варваров, 2001, с. 94].

Кавафис делает акцент на топосе, словно бы противопоставляя место обитания народов (дважды на это указывая: *εἰς τὴν ὁδὸν* ‘на улице’, *ἔξω* ‘снаружи’) – и греческое бытие, что «и есть особая бесконечность, включающая в себя человека, объемлющая и продуктивная, все время актуализируемая» [Мамардашвили, 1999, с. 33].

Таким образом, стихотворение Кавафиса – гимн пророкам, провидцам, к числу которых он относил и фигуру Поэта. А Бродский, к позиции пророка относящийся в общем-то скептически, разворачивает стихотворение в плоскость невозмож-

ности трансцендентно преодолеть время. Он меняет позицию мудрецов по отношению к тому, что они слышат. Если мудрецы Кавафиса «благоговейно внимают» божественному «рокоуту», то мудрецы Бродского всего лишь «вслушиваются» в него «точно в мотив забытый», т. е. в то, что когда-то было известно, но потом забылось. Мудрецы Кавафиса даны в ситуации божественного откровения, а мудрецы Бродского не открывают, а припоминают уже известное. Это позволяет предположить, что Бродский в переводе метафизический план стихотворения Кавафиса смещает в антропологический, план человеческой истории с ее вечным повторением. Такая интерпретация дополнительно подтверждается изменениями предметного ряда: у Кавафиса указана всего одна деталь – улица, у Бродского их три (горы, лист пергамента, кельи) и замещение библейского «народы» на нейтральное «население». Народы (народившиеся на определенной территории, земле и знающие-понимающие ее, ее сигналы и звуки) уже утратили способность внимать и вслушиваться, это «населенье» (пришельцы, населившие территорию), это совокупность людей, ничем не объединенная, кроме обитания на общей территории (города, страны, планеты Земля), поскольку она утратила связь со своим историческим, этническим прошлым, его традициями и культурой, его опытом и ошибками. Поэтому сниженные, пренебрежительные оттенки значения слова «населенье» вполне уместны и оправданы, хотя и не совсем тождественны кавафисовскому замыслу.

Изменяются и функции субъектов стихотворения. Так, намеренно усиленный Кавафисом статус богов: *πλήρεις καὶ μόνοι κάτοχοι πάντων τῶν φάτων* ‘абсолютные и единственные владельцы мудрости (знания, просвещения)’ редуцируется Бродским, всеведущие «боги» Кавафиса превращаются в тех, кому известны «начала и их концы». Рокот (Кавафис) – от рок, судьба, т. е. знак (шум) неизбежности, того, что не избежать, судьбы: «Таинственный рокот до них доносится грядущих событий. / И они ему внимают благоговейно». В словаре Даля одно из значений благоговеть – «смиряться в ничтожестве своем перед высшим», благоговейный – полный страха, уважения, смирения, покорности [Даль, 1989, с. 93]. Мудрецы Кавафиса исполнены преданности и любви к богу, в благоговении своем воздают ему великую честь. Событийность стихотворения Кавафиса – доминирование глагольного ряда (шесть глаголов) и отглагольных форм: «ведают», «чувствуют», «происходящее», «грядущие события» и т. д. – при переводе Бродский трансформирует во временность, семантически усиливая эту категорию за счет уменьшения количества глаголов и отглагольных форм и заменяя нейтральное «люди» на «смертные», событийное «происходящее» на временное «настоящее».

Список литературы

Ахматова А. Поэма без героя: СПб.: Библиополис, 1995.

Бродский И. Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе: Пер. с англ. М.: Слово, 1992.

В ожидании варваров. Мирская поэзия в переводах Иосифа Бродского: СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2001.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1989.

Мамардашвили М. Лекции по античной философии / Под ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Аграф, 1999.

Суханов В. А. Проблема эстетической реальности в работах Г. Г. Шпета и М. М. Бахтина // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). Г. Г. Шпет / Comprehensio: Четвертые Шпетовские чтения:

Материалы междунар. науч. конф., 14–17 ноября 2002 г., Томск / Отв. ред. О. Г. Мазаева. Томск, 2003. С. 379–386.

Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. М.: Астрель, 2012.

Bowersock G. W. Cavafy and Apollonios // *Grand Street*. 1983. Vol. 8, No. 3. URL: <http://www.cavafy.com/companion/essays/content.asp?id=14> (дата обращения 19.01.2017).

Pontani F. M. Επτά δοκίμια & μελετήματα για τον Καβάφη (1936–1974). Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα εθνικής τραπέζης, 1991.

Δρακόπουλος Α. Αιγυπτιακόν Ημερολόγιον του έτους 1900 μετ' εικόνων. Εν Αλεξανδρεία: Τυπολιθογραφείον Ιω. Λαγουδάκη, 1900.

Καβάφη Κ. Π. Τα πεζά (1882; –1931). Αθήνα: Ίκαρος Εκδοτική εταιρία, 2010.

Καβάφης Κ. Π. Άπαντα τα ποιήματα (εισαγωγή-επιμέλεια: Σόνια Ιλίνσκαγια). Αθήνα: Εκδόσεις Νάρκισσος, 2003.

Παπαζόγλου Χ. Μετρική και Αφήγηση. Για μια συστηματική μετρική και ρυθμική ανάλυση των καθαφικών ποιημάτων. Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τραπέζης, 2012. Σ. 532–534.

Σαββίδης Γ. Π. Μικρά Καβαφικά. Αθήνα: Ερμής, 1987.

Τσουβέλης Σ. Ταξίδι στην ιστορία με τον Καβάφη, Εκδόσεις Καστανιώτη. Αθήνα, 1998.

Φιλόστρατος. Τα ες τον Τυανέα Απολλώνιον Η'-Θ. Αθήνα: Κάκτος, 1992.

M. N. Kiseleva

Tomsk State University

Tomsk, Russian Federation, markis22@yandex.ru

**Who we are: gods, wise men, men?
Cavafy's «But the wise men apprehend what is imminent»
in the interpretation of Joseph Brodsky**

The subject of the paper is Joseph Brodsky's reception, perception and poetic interpretation of the Cavafy's poem «But the wise men apprehend what is imminent». The comparative analysis of both poetic works is implemented on the basis of our own linear translation. The dynamics and the sequence of different oppositions such as gods / wise men / men; to perceive / to apprehend; future / what is imminent / things as they happen; ignorance-ill infinity / change of consciousness is observed. Cavafy's Modernist hymn to the prophets, to which he related the figure of the Poet, is converted by Joseph Brodsky to another plane of impossibility to overcome the Time transcendently. Cavafy's wise men are given in the situation of the divine revelation whereas Brodsky's sages do not reveal but call to the memory of once already known things. Thus, it can be suggested that Brodsky translates the metaphysical plan of Cavafy's poem into the anthropological plan of the human history with its endless repetition. So, the image of «the forgotten motive» appears in the translation, intertwining with the Ancient Socratic idea of the «inherent» knowledge. For the men, the existence, listened-apprehended by the wise men, breaks up, and thus the Time breaks up but not into the past (the past in this hymn to the prophets is absent) and the future (it entirely belongs to gods) and not even the present as the present is hic et nunc in the Greek sense of the indivisibility and wholeness of existence also does not exist. However, there are only «the things as they happen», in other words, «bad infinity» as the repetition of the same mistakes without profiting from the unfortunate experience. That is the rhythm of the life of «streets», «city», «satrapy» etc., where endless adhesion of causes-effects is incessantly recurring again and again, where the «happening» time and everyday life are reduplicating, tripling and multiplying without switching to the pattern in with once and forever the sense, the meaning is extracted.

Keywords: wise men, men or gods, Cavafy in the interpretation of Brodsky, but wise men apprehend what is imminent, Cavafy and Brodsky, who we are.

DOI 10.17223/18137083/65/10

References

- Akhmatova A. *Poema bez geroya* [Poem without a hero]. St. Petersburg, Bibliopolis, 1995.
- Bowersock G. W. Cavafy and Apollonios. *Grand Street*. 1983, vol. 8, no. 3. URL: <http://www.cavafy.com/companion/essays/content.asp?id=14> (accessed 19.01.2017).
- Brodskiy I. *Naberezhnaya neistselimykh. Trinadtsat' esse: Per. s angl.* [Embankment of the incurable (Fondamenta degli incurabili). Thirteen essays: transl. from English]. Moscow, Slovo, 1992.
- Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T. I* [The explanatory dictionary of the live Great Russian language: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz., 1989.
- Mamardashvili M. *Leksii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Yu. P. Senokosov (Ed.). Moscow, Agraf, 1999.
- Sukhanov V. A. Problema esteticheskoy real'nosti v rabotakh G. G. Shpeta i M. M. Bakhtina [The problem of aesthetic reality in the works of G. G. Shpet and M. M. Bakhtin]. In: *Tvorcheskoye naslediyе Gustava Gustavovichа Shpeta v kontekste filosofskikh problem formirovaniya istoriko-kul'turnogo soznaniya (mezhdistsiplinarnyy aspekt)* [The creative heritage of Gustav Gustavovich Shpet in the context of philosophical problems of the formation of historical and cultural consciousness (interdisciplinary aspect)]: *G. G. Shpet / Comprehensio: Chetvertye Shpetovskie chteniya: Materialy mezhdunar. nauch. konf., 14–17 noyabryа 2002 g., Tomsk* [G. G. Shpet / Comprehensio: Fourth Shpetov's readings: Materials of the Intern. sci. conf., November 14–17, 2002, Tomsk]. O. G. Mazaeva (Ed.). Tomsk, 2003, pp. 379–386.
- V ozhidanii varvarov. Mirovaya poeziya v perevodakh Iosifa Brodskogo* [Waiting for the Barbarians. The World Poetry translated by Joseph Brodsky]. St. Petersburg, "Zvezda" publ., 2001.
- Yangfel'dt B. *Yaazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom* [The language is God. The notes about Joseph Brodsky]. Moscow, Astrel', 2012.
- Pontani F. M. *Επτά δοκίμια & μελετήματα για τον Καβάφη (1936–1974)*. Αθήνα, Μορφωτικό Ίδρυμα εθνικής τραπέζης, 1991.
- Δρακόπουλος Α. *Αιγυπτιακόν Ημερολόγιον του έτους 1900 μετ' εικόνων*. Εν Αλεξανδρεία, Τυπολιθογραφείον Ιω. Λαγουδάκη, 1900.
- Καβάφη Κ. Π. *Τα πεζά (1882; –1931)*. Αθήνα, Ίκαρος Εκδοτική εταιρία, 2010.
- Καβάφης Κ. Π. *Άπαντα τα ποιήματα (εισαγωγή-επιμέλεια: Σόνια Ιλίνσκαγια)*. Αθήνα, Εκδόσεις Νάρκισσος, 2003.
- Παπαζόγλου Χ. *Μετρική και Αφήγηση. Για μια συστηματική μετρική και ρυθμική ανάλυση των καθαφικών ποιημάτων*. Αθήνα, Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τραπέζης, 2012, σ. 532–534.
- Σαββίδης Γ. Π. *Μικρά Καθαφικά*. Αθήνα, Ερμής, 1987.
- Τσουβέλης Σ. *Ταξίδι στην ιστορία με τον Καβάφη*, Εκδόσεις Καστανιώτη. Αθήνα, 1998.
- Φιλόστρατος. *Τα ες τον Τυανέα Απολλώνιον Η'-Θ*. Αθήνα, Κάκτος, 1992.